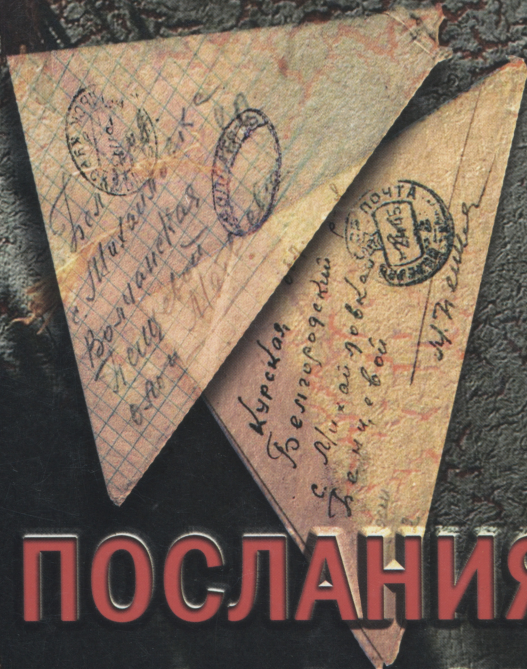

Юрий Калашников

ПОСЛАНИЯ С ФРОНТА

Калашников Юрий Васильевич родился 19 августа 1939 года в селе Леуза Кигинского района Башкирской АССР.

В 1957 г. Ю. Калашников окончил с серебряной медалью среднюю школу. В 1963 г. — исторический факультет Башкирского государственного университета и в 1966 г. — аспирантуру при Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. В Казанском государственном университете успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В ней

на материалах Башкирской АССР исследовал проблемы межнационального сближения в процессе развития производственных связей между республиками, краями и областями СССР; участие Башкортостана во внешнеэкономическом сотрудничестве Советского Союза в 50-е — первой половине 60-х годов прошлого столетия.

В 1970-е — начале 1980-х годов находился на лекторской работе в Башкирском обкоме КПСС, преподавал на историческом факультете БашГУ. С 1993 по 2002 год — консультант, помощник Председателя Верховного Совета, Председателя Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан. В настоящее время советник в Главном управлении Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Башкортостан.

Имеет ученое звание доцент, награжден двумя орденами «Знак Почета», медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда», «За верность долгу и Отечеству», почетными грамотами Президиума Верховного Совета Башкирской АССР, Республики Башкортостан, Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан.

Издательство
«КИТАП»
имени
Зайнаб
Биишевой

Калашников Юрий Васильевич родился 19 августа 1939 года в селе Леуза Кигинского района Башкирской АССР.

В 1957 г. Ю. Калашников окончил с серебряной медалью среднюю школу. В 1963 г. — исторический факультет Башкирского государственного университета и в 1966 г. — аспирантуру при Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. В Казанском государственном университете успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В ней

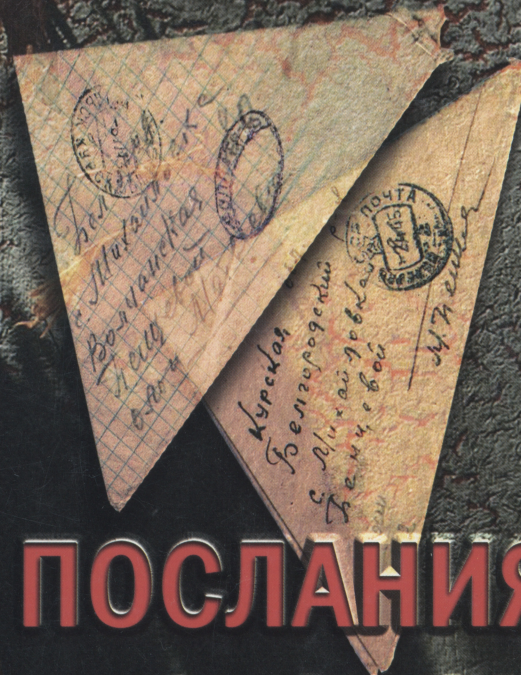
на материалах Башкирской АССР исследовал проблемы межнационального сближения в процессе развития производственных связей между республиками, краями и областями СССР; участие Башкортостана во внешнеэкономическом сотрудничестве Советского Союза в 50-е — первой половине 60-х годов прошлого столетия.

В 1970-е — начале 1980-х годов находился на лекторской работе в Башкирском обкоме КПСС, преподавал на историческом факультете БашГУ. С 1993 по 2002 год — консультант, помощник Председателя Верховного Совета, Председателя Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан. В настоящее время советник в Главном управлении Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Башкортостан.

Имеет ученое звание доцент, награжден двумя орденами «Знак Почета», медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда», «За верность долгу и Отечеству», почетными грамотами Президиума Верховного Совета Башкирской АССР, Республики Башкортостан, Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан.

Юрий Калашников

ПОСЛАНИЯ С ФРОНТА

Издательство
«КИТАП»
имени
Зайнаб
Бишиевой

Юрий Калашников

ПОСЛАНИЯ С ФРОНТА

Издательство
"КИТАП"
имени
Зайнаб
Бишевой

УФА-2009

УДК 821.161.1-94
ББК 84-4 (2 Рос)
К 17

Калашников Ю. В.

К 17 Послания с фронта. — Уфа: Китап,
2009. — 40 с.

В книгу вошли письма участника Великой Отечественной войны, гвардии красноармейца, с любовью собранные его сыном. Они пронизаны теплом и заботой о своих родных и близких, ненавистью к врагу и верой в торжество Победы.

ISBN 978-5-295-04936-1

ТП — 2009

УДК 821.161.1-94
ББК 84-4 (2 Рос)

ISBN 978-5-295-04936-1

© Калашников Ю. В., 2009

КӘЗИМ АРАЛБАЕВ

МУЗЕЙЗА

Ю. В. Калашниковка

Йока тимерзән эшлэнгән
Ябай ғына кулайыуғыс,
Әммә уның язмышкайы
Ғәжәйеп һәм кызғаныс...
Атай юлы утлы йылда
Яу кырына олғашкас,
Кулайыуғыс аға башланы —
Гүйә уны тишеп үтте
Яуыз дошман курғашы.
Йока ғына тимер кумта —
«Яраланған» кулайыуғыс,
Еңелерәк эшкә күсте —
Булды-куйзы хат һалғыс.
Атайҙан килгән хаттарҙы,
Без өйҙә булмағанда,
Хат ташыусы һалып китә
Кулайыуғыс кумтаһына.
Окоп төптөрөнән килгән
Атай кулы йылыһын
Бөтәбезгә еткерергә
Һаклай кумта тырышып.
Өс йыл буйы әсәкәйем
Тимер кумта төбөнән
Бәхет тартып сығарғандай,

Шул хаттарға һөйөнә,
Шатлык китмәй йөзөнән!..
Бына бер кис әсәм кулы
Кумта эсен һәрмәгәс,
Бармағы, гүйә, өтөлгән:
Таныш өскөл урынына
Дүрткел конверт төртөлгән!
Тертләп киткән әсәкәйем,
Йөрәккәйе «жыу» иткән,
Һизенгән ул:
«Был дүрткел хат
Тигенгә түгел!..» — тигән.
Кулын тартып алалмағас
Тап-тар кумта эсенән,
Кулайуғыс та килеп төшкән
Айырылып сөйөнән...
Хаттар килеүзән туктаны,
Урап үтте почтальон.
Кулайуғыс ятты тутығып,
Сығарылды «посынан»...
Бөгөн күрәм:
Шул кулайуғыс,
Музейға тура килеп,
Алыстан ук мине танып
Кыскырып тора кеүек
Утлы йылдар шаһиты.
Әй, кулайуғыс!
Йөрәгемде
Сығараһың ақтарып...
Эсең тулы өскөл хаттар
Атайымдың хаттары!..

Кадим АРАЛБАЕВ

МУЗЕЙНЫЙ ЭКСПОНАТ

Ю. В. Калашникову

Внешне вроде бы обычный
Рукомойник жестяной,
Но отмечен непривычной
Удивительной судьбой...
Как ушел дорогой дальней
Мой отец в огонь и дым,
Прохудился умывальник,
Будто был навывлет ранен
Попаданием прямым.
И поскольку подходящей
Службы больше не нашлось,
Заменять почтовый ящик
Рукомойнику пришлось.
Если не было нас дома,
Почтальон местечко знал —
Письма с почерком знакомым
В рукомойник опускал.
Рук тепло отцовских милых,
Дым окопов, где курил,
В треугольниках хранимых,
Умывальник нам дарил.
Так два года доставала
Мама письма от бойца
Из железного овала —

Словно счастье добывала,
Рада весточке отца!..
Но однажды мама больно
Будто пальцы обожгла:
Не обычный треугольный,
А конверт прямоугольный
В умывальнике нашла!
Мама вздрогнула невольно,
Словно ток пропущен в жель:
«Этот четырехугольник
Предвещает злую весть!..»
Как тисками руку сжало
В рукомойнике с письмом,
И, сорвавшись, тут упал он,
Звякнув жалобно нутром...
Почтальон проходит мимо,
Не приносит письма в дом,
Только ржа да паутина
В умывальнике пустом...
Я в музее нынче вижу —
Умывальник тот висит,
Подхожу и будто слышу —
Он от радости звенит.
И как память давних лет
Мне его дороже нет.
Рукомойник!
Мне поверь ты:
С болью в сердце, до конца
Буду помнить я конверты —
Письма с фронта от отца!..

*Перевод доктора филологических наук,
профессора А. П. Майорова*

*Привет
из далекого края,
с Украины...*

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ

Война закончилась давно. Встречая 65-ю мирную весну, в День Победы, 9 Мая, мы вспомним наших отцов, грудью защищавших страну от фашистов.

Я — сын не вернувшегося с поля боя солдата. Мальчишкой босоногим я завидовал своим ровесникам, чьи папы возвращались с фронта. Мне не суждено было встретиться с отцом. Все, что осталось от него — это теплые воспоминания родных и фронтовые письма, которые бережно сохранились в нашей семье. Он один из тех миллионов советских солдат, которые своей кровью, самой жизнью заплатили за священную немеркнущую Победу советского народа в Великой Отечественной войне.

Это старательно исписанные карандашом листы бумаги, аккуратно сложенные в «треугольники», проштемпелеванные военной цензурой. Они представляют собой волнующие послания, проникнутые инстинктивным стрем-

лением разбить врага, защитить Родину и, тем самым, спасти свою семью.

В каждом письме сквозит горячая тоска по дому, неистребимое желание увидеть и расцеловать своих малолетних детей — меня, сестру Нину и нашу маму. Хотя бабушка, его мать, жила отдельно, в письмах он включал ее в свое семейство, просил доглядывать за нами и нашим хозяйством.

Отец живо интересовался и домашними делами, и обстановкой в колхозе.

С чувством ненависти «к проклятому зверю Гитлеру» оплакивал он гибель своих родных — брата Степана Калашникова и племянника Ванюшку.

Пусть взыскательный читатель простит автора фронтовых писем за то, что повторяются просьбы сообщить одно и то же. Но в этих простых словах-повторах нам раскрывается душа солдата и то, с какими думами и заботами постоянно жил и воевал боец, вчерашний крестьянин.

Последние письма пронизаны предчувствием неминуемой гибели. Почти полтора года шли в наш дом фронтовые солдатские треугольники. Почтовый ящик заменял прохудившийся жестяной умывальник с крышкой. В нем письма были защищены от дождя и снега.

Мама работала в колхозе и всегда возвращалась поздно. Прежде чем войти в дом, она всякий раз опускала руку в прохудившийся умывальник, который служил вместо почтового

ящика. Доставала из него эти, сейчас уже пожелтевшие, солдатские письма-треугольники от мужа. Но долгое время этот «почтовый ящик» оставался без корреспонденции. Всех одолело предчувствие недоброго. К глубокому сожалению, оно печально сбылось. Однажды руку мамы словно обожгло, когда она вытащила из этого умывальника не привычный «треугольник», а «четыреугольник». На нем уже не отцовской рукой с его неровным крестьянским почерком, а красиво, каллиграфически, был написан наш адрес. От кого — напечатано: «Военно-полевая почта 41611А».

Воспроизвожу содержание этого горестного послания: «Ваш муж, гвардии красноармеец Калашников Василий Николаевич, уроженец: БАССР, Кигинский район, село Леузы, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявил геройство и мужество, был убит 14 ноября 1943 г. на южной окраине хутора Саги, Алешкинского района, Николаевской обл.

Похоронен: Южная окраина хутора Саги, Алешкинского р-на, Николаевской области.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии».

Внизу гербовая печать, на которой четко видны старые номера стрелковой дивизии и артиллерийского полка. Новую гвардейскую, видимо, еще не успели выдать. И тут же зеленым карандашом неразборчивая подпись командира части. Четко просматривается только начальная буква «С».

В свое время мне довелось познакомиться и сблизиться с известным башкирским поэтом Кадимом Аралбаевым. Между нами завязались теплые человеческие отношения. Приходилось говорить о многом, вспоминать про своих отцов. Оказалось, что Кадиму исполнился лишь месяц, когда в октябре 1941 года у него тоже на фронте погиб отец — Абдулгалим Мурзагалиевич. Полусиротская доля нас во многом сроднила. Однажды поведал ему о том, как моя мама — Софья Никитична Калашникова, доставала фронтовые письма из проржавевшего умывальника. Это взволновало К. Аралбаева, творчеству которого присущи высокая гражданственность, философская глубина, нежная лиричность. Под впечатлением моего рассказа он посвятил своеобразному «почтовому ящичку-умывальнику» трогательное стихотворение.

Отец, Калашников Василий Николаевич, родился 6 марта 1907 года. Трудовую жизнь он начал в раннем детстве в бедняцком единоличном хозяйстве, а затем продолжил в колхозе им. 8-е Марта. Его я практически не помню. Лишь два малозначительных эпизода туманно сохранились в памяти. Однако беседуя со многими людьми, хорошо знавшими В. Калашникова, попытался составить образ отца, как человека общительного, отзывчивого, добропорядочного. Не раз приходилось слышать от некоторых людей, как он им в чем-то помог не только умным советом, но и материально.

По рассказам мамы и особенно бабушки, его матери Матрены Григорьевны (о ней подробнее будет написано ниже), он безмерно радовался моему рождению (18 августа 1939 года). Это был степенный мужчина, которому шел 33-й год. Отец с большой любовью и гордостью говорил обо мне, называя своим наследником.

Все, знавшие В. Калашникова, отмечали его добросовестное отношение к труду. Мерилом количества и качества крестьянского труда в колхозе был «трудодень». Нужно было обязательно в течение года наработать не менее двухсот трудодней. Если же этого минимума у человека не было достигнуто, то его подвергали различным административным взысканиям, даже вплоть до ссылки в районы Севера. Но отцу это не грозило. Он стремился получать трудоемкие наряды и в два раза перекрывал установленный минимум трудодней. В основном ему приходилось грузить и перевозить различную продукцию.

Для меня он купил башкирский с национальным орнаментом легкий головной убор «такыя», или как у нас называли, «араксимку», сажал меня в телегу и обучал править лошадьми.

В. Калашников страдал физическим недугом. Когда началась война, его признали негодным к воинской службе.

Первоначально, 1 мая 1942 года, он был мобилизован лишь в трудовую армию. Как отец уезжал, я не помню, так как мне не было и трех

лет. Впоследствии бабушка рассказывала, как провожала сына на войну: взяв меня на руки стояла у ворот и долго смотрела, пока тарантас с ним, мамой и старшей сестрой Ниной не скрылся за горой, а он все махал и махал белым носовым платком. Очень сожалел потом отец, что и сына не взяли до станции Сулея, проводить его.

Четыре месяца В. Калашников находился на лесозаготовках около станции Урман, тогда Улу-Телякского района нашей республики. И производственные, и бытовые условия были крайне тяжелые. В письмах сообщал, что приходится работать от темна до темна, спать на соломе в каменной конюшне. Предчувствуя скорую отправку на фронт, он попросил свою жену, Софью Никитичну, навестить его. Понимая, что в военное время колхознице без паспорта приехать практически было невозможно, посоветовал: «Соня, если кончишь сенокос, то приедь ко мне, если буду здесь, не отправят на фронт. Пока ничего не слышать. Возьмешь у дяди Осипа (ее родной дядя, работал заготовителем) командировку на покупку веревки для прессования дуба, прямо в Урман, на станцию. Одна даже из города Молотова приезжала сюда по таким документам». Мама поехала и пробыла там трое суток. Это была их последняя встреча.

Отец говорил ей о возможной отправке в Действующую армию. Вскоре это и произошло. «Сообщаю вам, — писал он, — не очень приятное. Была нам комиссия и меня перевели

в строевую. Можно ожидать со дня на день повестку. Дак вот, сегодня отдыхаем. Ходил по малину, насобирал котелок. Но все не к душе. Очень расстроился. Давит камнем сердце. Начал писать и поневоле потекли слезы. Увижу или нет больше милых деток. Спасибо тебе, Соня, что приехала ко мне. Но мало погостила. Дак вот, я получил письма от Зои и от вас. Не отписывал, ждал, что скажут. Ну и сказали — ничего.

Я сейчас работаю коновозчиком, вожу бревна. Работа ничего, спокойная. Можно было бы работать, но не знаю, сколько придется поработать. Писем от Степана и от Саньши тоже нет. И вы редко пишете. Пишите, Соня, пока близко, а то не знаю, что случится в нашей переживающей жизни. Ну дак вот, милая Соня, хозяйничай и не падай духом. Ни я первый, ни (я) последний».

6 сентября 1942 года Улу-Телякский райвоенкомат призвал В. Н. Калашникова в РККА.

«...Дак вот, Соня, пишу с города Уфы. Приехали на сборный пункт. Куда назначат, не знаю. Едем в Действующую армию. Дак вот, Соня, дела-то какие сложились. Поехали дальше и дальше. Не знаю, куда отправят. Как прибуду на место, то напишу быстро адрес.

Вот, Соня, сфотографировался в Уфе и высылаю вам. И посмотри на меня, Соня, какой стал полный. Но, Соня, знаешь, мое сердце придавило камнем. Но что сделаешь. Все продал. Оставил только на себе да одно полотенце.

Ну, Соня, поцелуй карточку вместо меня и не забудь меня. Ах, Соня, ты бы знала, как мне тяжело. Не могу себе представить. Пишу письмо и пью вино, а самого слезы прошибают.

Ну, Сонечка, милая, не знаю, чем кончится, увидимся, нет с тобой. Судьба нерешимая. Погиб брат Степан. Может, и со мной то же получится.

Дак вот, Соня, болезнь у меня озлилась очень скверно, но не признают. Ну, до свидания, дорогое мое семейство: Сонечка, Юра, милый сыночек, Нина, милая дочурка. Целую вас крепко. С приветом к вам В. Калашников»*.

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА ПОГИБШЕГО ГВАРДИИ КРАСНОАРМЕЙЦА...

Начало октября 1942 года:

«Письмо от В. Н. Здравствуйте, мое дорогое семейство: Соня, Нина, Юра, мама, сестра Зоя и все остальные. Шлю я вам привет и сообщаю, что мы тронулись на фронт, но не знаю, в каком направлении.

Сонечка, то ли вы не получили от меня письма, то ли не писали мне. Не получил ни одного письма от вас, а теперь и вовсе не получишь. Выезжаем на фронт. Да вот, оно, дела-то какие. Соня, болезнь меня мучает до невозможности, но не признают.

* Письма В. Н. Калашникова передаются без хронологии и только с правкой пунктуации. Стиль сохранен (*рег.*).

Вот как месяц не лежал в квартире. Холод мокрый, так и лежим на соломе. Вот такая нескладная жизнь.

Ну, Соня, может, будет от меня адрес, то пропиши подробнее, как, что делаете. Как зять и Ванюшка (муж и сын старшей его сестры Татьяны). Все охота знать, но не так-то скоро. Как мама здоровьем и как мои детки, здоровы ли? Пущай, мама, доглядывай за моим хозяйством или иначе давай совет. Ты жила и знаешь все же, как вести. Смотрите, Юру не простудите, он ведь маленький.

Ну, пока, до свидания, Соня, Нина, Юра, мама, Зоя. Много принял мытарств и еще придется принять. Ну, до свидания. Целую вас крепко».

Для миллионов защитников Родины, среди которых оказался В. Н. Калашников, судьбоносным стало крупное поражение в мае 1942 года советских войск Юго-Западного фронта в районе Харькова. Находящаяся в его составе 300-я стрелковая дивизия 36-й армии была выведена в Кандры для доукомплектования. По свидетельству очевидцев, от нее остались практически штаб и дивизионное знамя. Произошло на самом деле не доукомплектование, а фактически формирование этого соединения полностью заново за счет мобилизованных из Башкортостана. В нее призвали и тех, кто не только не был на воинской службе, но и не соответствовал ей по физическому здоровью. Среди них оказался и В. Н. Калашников. С этой дивизией он прошел

боевой путь с 10 октября 1942 года по 14 ноября 1943 года (дня гибели). Был заряжающим четвертой батареи 822-го артиллерийского полка.

Согласно архивным источникам, 300-я стрелковая дивизия сражалась в Сталинграде, вела боевые действия за освобождение Новочеркасска, форсировала Дон, затем участвовала в боях за Украину, Крымский полуостров, в том числе и за легендарный Севастополь. Однополчане моего, уже погибшего, отца прошли огненными дорогами Смоленщины, Белоруссии, Прибалтики и закончили войну в цитадели прусского милитаризма — Кенигсберге. За проявленное мужество и героизм воинов при освобождении города Краснодона 300-я стрелковая дивизия была преобразована в 87-ю гвардейскую, а 822-й артиллерийский полк — в 192-й гвардейский.

Свои письма отец обычно начинал так: «Письмо от известного вам В. Н. Калашникова. Здравствуйте, мое дорогое семейство, жена Соня, дочь Нина, сын Юра, старушка-мама, сестра Зоя с детьми, Мария (жена его старшего брата) с детьми, шлю я вам горячий фронтовой привет и всем знакомым передайте по привету». Далее, как правило, сообщал, что получил одно или несколько писем из дома и еще от кого-то.

Письма ему на фронт под диктовку писала эвакуированная из Москвы девушка по имени Майя, проживавшая у его матери — Матрены Григорьевны.

Нашу бабушку мы, все ее 14 внуков и внучек, любовно звали «бабонькой». Ее судьба оказа-

лась весьма трудной и печальной. В 1916 году попал в германский плен наш дед, Николай Иванович Калашников. Возвратился он в родные места только через 9 лет. Первый их сын Родион не вернулся с гражданской войны. В Великую Отечественную, кроме моего отца, погиб еще один сын — Степан Николаевич. Его с моим отцом связывала подлинно братская дружба. Отец подарил ему изготовленную по заказу именную русскую гармонь. Вспоминают, что С. Н. Калашников своей виртуозной игрой на гармонии изумлял все наше большое село.

Мученическую смерть от фашистов принял самый первый внук бабушки девятнадцатилетний Иван Иванович Воробьев — сын старшей дочери Татьяны. Это был жизнерадостный юноша, который великолепно пел и танцевал, играл на гармонии, гитаре и балалайке. Он пользовался в нашей родне всеобщей любовью. Все называли его ласково Ванюшка.

Тетя Таня рассказывала, что Ванюшке и еще двум молодым воинам приказали взять «языка». Ванюшка первый пошел выполнять боевое задание, но был схвачен фашистами. Его товарищи, спрятавшись в кустах, вынужденно наблюдали, как жестоко пытали их боевого товарища и до смерти закололи штыками. Но он не выдал своих друзей, которым все-таки удалось пленить фашистского вояку. Обо всем этом подробно описали в письме, отправленном тете Тане, однополчане ее сына.

Однажды тетю Таню пригласили в военкомат и принявший ее офицер сказал: «Ну, мать, крепись». Вручил сразу две похоронки — на мужа Ивана Васильевича Воробьева и сына Ванюшку.

До войны семьи тети Тани и дяди Степана жили в городе Сатка в одном доме, разделенном на две квартиры. В одну из них летом 42-го года уже пришла похоронка на С. Н. Калашникова, которую получила его вдова Прасковья Корниловна. Сиротами остались два малолетних сына Боря и Валя.

А тетя Таня продолжала здесь жить с остальными тремя детьми Тамарой, Геной и Юрой. Как она рассказывала, получив похоронки, сердце у нее окаменело, что даже не смогла плакать. Эту печальную весть привезла бабушке в Леузу сестра Зоя.

За десять дней до начала войны трагически оборвалась жизнь мужа другой дочери Зои — Владимира Павловича Власова.

Много переживаний досталось бабушке из-за второго по возрасту сына Александра Николаевича. В декабре 1937 года его арестовали как «врага народа». Об этом следует сказать подробнее. Александр среди родных был наиболее грамотным и социально активным. Он являлся кандидатом в члены ВКП(б), избирался председателем Леузинского сельского совета, был участником VII юбилейного Всебашкирского съезда Советов, проходившего в марте 1929 года. До ареста работал бухгалтером Кигин-

ского районного узла связи. На него был сочинен донос о том, что он считает Троцкого более лучшим руководителем, чем Сталин, восхваляет Тухачевского как видного государственного деятеля и военачальника, выступает за сохранение частной собственности на землю и против колхозного строя, выражает недовольство внедрением техники в сельскохозяйственное производство.

Дядя рассказывал, как сотрудники НКВД при обыске тщетно пытались найти троцкистскую литературу, выбросили в окно имевшуюся у него Малую сельскохозяйственную энциклопедию.

Мне удалось ознакомиться с протоколами допросов А. Калашникова. Поражает нелепость задаваемых вопросов: они носили провокационно-обвинительный характер, на которые А. Калашников давал только отрицательные ответы. Причем после каждого из них заявлял: «Виновным себя не считаю» и ставил свою подпись.

На суде А. Калашников единственный полностью не признал себя виновным. Его приговорили к 7 годам лагерей и 3 годам «поражения в правах», остальных же соответственно к 10 и 5 годам.

Вызволил из неволи А. Н. Калашникова родной племянник бабушки и ее крестник Андрей Григорьевич Воробьев, участник Великой Отечественной войны, то был человек решительный, с психологией победителя. Он через заключение врачей добился, что моему дяде по

состоянию здоровья противопоказано отбывать трехлетний срок «поражения в правах» в гулаговских местах сурового Севера.

После XX съезда КПСС, в сентябре 1958 года, Президиум Верховного Суда РСФСР отменил приговор в отношении А. Н. Калашникова и других обвиняемых и делопроизводство прекратил за отсутствием в их действиях состава преступления.

Когда сын вернулся домой, то М. Г. Калашникова, которой было уже за 70 лет, продала всю движимость в своем хозяйстве и вместе с ним и его дочерью Ларисой, а также со своей дочерью З. Н. Власовой, ее детьми Федей и Сашей, с племянником А. Г. Воробьевым и его матерью, своей родной сестрой Ефросиньей Григорьевной, уехала в город Станислав (ныне Ивано-Франковск). Однажды там ей цыганка нагадала, что мой отец все-таки жив, вначале, мол, на пасху от него придут бумаги, а затем и сам вернется. Она ходила и искала своего сына даже среди военнопленных, которые там работали. Бабушка рассказывала, что один из них был похож на моего отца. Подошла, заговорила, а тот ни слова по-русски. Через три года она снова вернулась домой и жила с надеждой на скорое его возвращение, продолжала ждать сына Василия до самой кончины в феврале 1959 года.

В своих письмах В. Н. Калашников интересовался положением дел в колхозе: какова урожайность, кто председатель, кто бригадир, сколько лошадей осталось, есть ли тракторы.

Но больше всего спрашивал о семье — сколько накопили сена? сколько накопили картошки?

Очень любил он нас, своих детей. Когда сестра пошла в школу и собственноручно написала ему на фронт, отец откликнулся на ее послание своим письмом, которое воспроизвожу полностью, без всяких орфографических правок, чтобы читатель имел представление об уровне его грамотности.

«БАССР, Станция Сулея, Кигинский район, село Леуза, колхоз 8-е Марта Калашниковой Нине Васильевне.

Письмо от Папки Доченьке Нине и сыночку Юре. Здравствуйте, милые дети. Шлю я горячий привет и желаю быть здоровыми и бойкими. Дак вот, Нина, я твое письмо получил, за которое расцеловал бы тебя. Дак вот, Нина, помогай своей маме и слушай ее как папку. Нина, знаешь, что нас разлучил враг проклятый с вами. Но нехто как судьба может останусь жив, вернусь к вам и вновь заживем по-прежнему. Да вот, Нина и Юрочка, я вам посылаю песню, вы выучите ее и спойте бабоньке (его матери). Ну, милые детки, до свиданья. Остаюсь жив и здоров, того и вам желаю. Целую вас крепко. Очень я скучаю, Нина, по вам с Юрой. Но ничто не сделаешь. Ну, Нина, пишите письма чаще».

А вот письмо, датированное 6 июля 1943 года: «Привет из далекого края Украины от известного вам В. Н. К. Здравствуйте, дорогое семейство, жена Соня, Нина, Юра и старушка мама.

Да вот, Соня, я сообщаю, что письма, писанные Ниной и Тamarой (это его племянница), получил, за которые малых детей расцеловал бы. Вот, Соня, какая у них забота об папке. Но как придется встретиться с ними, не знаю, как буду жив. Но, Соня, не обижай их, переноси все трудности на своем сердце. Ведь я сочувствую, тебе тяжело. Но ничего не сделаешь. Одно только — разбить проклятого фрица скорей и тогда можно думать об доме. Я узнал, что в вашем хозяйстве изменения есть. Очень хорошо, что сменила корову. Вот пропиши, есть, нет с тебя молокозаготовка.

Да, Соня, пока находимся не на фронте. Но, наверное, скоро придется. Ну, я много пишу вам писем, пока есть возможность и от вас получаю очень часто. Сама знаешь, получишь письмо, то веселее на душе. Ну, одно, скучаю об детях. Я не могу представить, какой у меня сынок Юра стал. Соня, ты сняла бы их на фотокарточку и послала мне. Я посмотрел бы на них, и в том же сама снялась. Соня, вышли мне семейную карточку, где снятые в Сатке (фото).

Ну, пиши чаще. Пока письма доходят в 15—20 дней.

Нина, большое радостное благодарствие за твою заботу к папке. Не забывай наказов папкиных. Помогай маме водиться (нянчиться) с Юрой и доглядывай дома и пиши папке письма.

Юра, сынок маленький, заслушай письмо от папки и слушай маму с Ниной. Не хулигань, будь

хорошим мальчиком. Привет Тамаре. Заботливая девочка, позаботилась написать дяде.

Дорогая старушка-мама. Трудно тебе переносить и переживать. Но все надо перенести, хотя с большими трудностями. Так вот, дорогая мама, доглядывай там за моими детьми».

Из письма от 1 марта 1943 года.

«Я был под Сталинградом. Но там немца разбили, теперь движемся дальше. Но жизнь наша одноминутная. Сколько я пережил переживаний за это время. Но все ничего. Победим врага, останусь жив, вернусь домой. Очень хочется увидеть милых деток. Получил письмо от Митьки Гордеева (его двоюродный брат). Он тоже на фронте.

Напишите, как живете? Как насчет хлеба и какие обстоятельства у тебя и в колхозе? Еще, Соня, напиши, где находятся Иван Воробьев и его сын Ванюшка».

Из письма от 28 апреля 1943 года. «Письмо от В. Н. из далекого края Украины (конкретное местонахождение затушевано — Ю. К.). Зиму прожили, а теперь стало тепло. Даже сады цветут. Находимся на отдыхе второй месяц. Много за эту зиму поимел переживаний. Поздравляю вас с пасхой. Как в обычай надо похристосоваться, да яиц нету. Сегодня получаем новое летнее обмундирование».

«Здравствуйте, дорогое мое семейство, Соня, Нина, Юра и мама. Дак вот, поздравляю вас с праздником 1 Мая. Мы тоже праздновали.

Памятная семейная фотография родителей.

Сидят (слева направо):

В. Н. Калашников, С. Н. Калашников; стоят (слева
направо): жена — С. Н. Калашникова, сестры отца —
З. Н. Власова, Т. Н. Воробьева, жена брата —
П. К. Обухова, г. Сатка, 20 февраля 1941 г.

Ну, пока остался жив, здоров, что будет дальше. Пропиши, кто где находится. З.В. — 43 г.»

В каждом письме-треугольнике стоял штамп: «Просмотрено военной цензурой». Строки о том, в каком населенном пункте находился, тщательно затушевывались. Однако любопытно то, что названия городов Ворошиловград и Сталино в письмах, приведенных ниже, из текста не вычеркнуты. По всей вероятности, цензура не решалась вымаривать фамилии вождей.

«Передайте дяде Фролу Г. (его родной дядя, брат Матрены Григорьевны), что я получал от Митюхи два письма. Получил от Матрены (сестра мамы) письмо. Узнал, что Саня (их брат) дома. Большой он счастливчик, если не повидаёт этой эпохи. Но я уже был под страстью не один раз, но пока остался жив и здоров.

Я получил почти ото всех письма. От вас 4 штуки и от Зои, и от Моти, за которые благодарен, и от Нины Васильевны. Милая моя доченька, как она заботится о папке. Но вот, Юра стал уже бойким. Милый мой сынок. Дождется, нет он своего папки. Да, чем судьба решится, никто не знает. Находимся недалеко от Ворошиловграда. Посмотри на карте».

«Сколько раз я был под угрозой смерти, много раз был под обстрелом снарядов и под бомбежкой. Кто не видал этих страшных картин, да тот здоров сердцем. А как переживешь на самом деле, то сердце в мелкий сухарь сжимается.

Мы немца далеко отогнали и много освободили из-под оккупации советских граждан. Освободили город Сталино, где нас встречала публика с восторгом. Дарили папиросы, табак и водку даже. Я, Соня, выпил крепко, как пьют. Сейчас, в настоящее время, продвинулись вперед и стоим на отдыхе».

Особенно часто писал В. Калашников в июле 1943 года, когда полк, по его выражению, находился на «отдыхе». Из письма, проштемпелеванного 2 июля 1943 года: «...Дак вот, Соня, как я уже от вас оторван, пошел второй год.

Но за этот год я потратил свои нервы и пережил столько, сколько отроду не переживал. Голова моя совсем становится седая. Да, такие ужасы надо пережить. Счастливый, кто не побудет на этой эпохе.

Да, Соня, я сознаю, и тебе нелегко переживать без меня. Все нужно самой. Но что сделаешь, я помочь тебе не могу. Пиши чаще и подробнее, как у вас и что работаете в колхозе, как в своем хозяйстве дела?

Дак вот, скоро год как нам лег камень тяжелый, который не столкнуть до смерти. «Кровожадный зверь» Гитлер выпил чару крови из наших сердец. Сгубил дорогого и любимого брата Степана Н. Словно сердце вырвал наше братское. Но зверю будет конец.

Не стало от него писем и пройдут года за годами и все знакомые забудут его. Но мама, братья не забудут никогда, что честно погиб за Родину. Ну, Сонечка милая, как все надоело это, как я скучаю по детям моим малым. Значит, Чудаков и Ширяев погибли. На что и война. Ничто не сделаешь. Передайте привет Андрею Воробьеву и тетке Афросинье».

Чуть позже: «...Разбили немца под Сталинградом и гнали его, как драную собаку, около тысячи километров. Теперь мы на отдыхе. Живем в зеленом поле, как зайчики. Тишина, кругом поют птицы. И все думаю о вас, как вы там без меня, какая растет картошка, как дела с сенокосом».

«Сообщаю, что нахожусь в Украине. Пока не на фронте уже как три (третий)-четвертый месяц. Стал совсем седым. Сам себя чувствую ничего, а волосы седеют. Да, если посмотреть такую страшную картину как под Сталинградом, то можно в один день быть седым. Я — участник боев под Сталинградом.

Навязался на нас лютый враг Гитлер и оторвал нас от детей. Я от вас письма получаю, но пишите чаще. Письма получил от Зои, от Нюры А. (старшая дочь брата), от Матрены Н., за которые сердечно благодарю. Дак вот, Соня, получишь письмо, как с вами поговоришь. Пропиши, где выменяла корову и отелилась, нет. Едят, нет Нина с Юрой молоко. 17/6 — 43 г.»

Судя по письмам, в августе снова началось наступление. «Немец отступает, — пишет он, — но, как собака, аркается (значит, огрызается)».

«Я уже месяц как в боях. Вели упорное наступление на немца. Но в настоящее время нахожусь во 2-м эшелоне три дня. Но сколько простоим, не знаю, много ли, мало ли.

Я получил ваше письмо. Что с Юрой, болеет? Разве с хлебом плохо у вас? Может, не доедает милый сыночек. Соня, если трудно жить вообще, то одну верхнюю рубашку да пару нижнего белья оставь, а что лишнее променяй. Приду домой — все будет, а не приду дак не надо. Но как-нибудь храни детей, воспитывай. Ведь я об них пуще всего только и думаю. Они маленькие, глупые. Ну, Соня, все сердце мое иссохло

об детях. Не знаю, увижу я их, нет. Не знаю, как Бог.

Ну, Соня, пока писал письмо, дак дали приказ — готовиться к маршу. Куда не знаю, вперед, назад на отдых? Ну, Соня, много писал писем всем. Но получаю только от Марьиных девчат (племянниц) и от тебя, а больше никто не пишет».

«Сообщаю про себя. Я находился в бою дней двадцать. Но пока остался жив, а сейчас на отдыхе, не на фронте, но ненадолго. Пережил такие ужасные бои, на што только мать родила. Но Бог пока миловал вражеских ударов. Был со мной товарищ Поначев месягутовский, но в бою потерялся без вести. Таких боев еще не встречал за 6 месяцев, какие были за эти дни. Хорошо тому, кто дома, не повидаает таких ужасов.

Ну, мама, родная моя, на што ты меня родила. Я бы не был на таких ужасах и мои дети не мучились. Мама, не забывай моих маленьких детей, хотя находи их когда куском хлеба. Я об них болею пуще всего. Но, мама, прости меня. Трудно сказать, что я буду жив. 12/8 — 43 г.»

«Дак вот, Соня, я получил письмо второго числа сентября. Вышел из боя, но был доволен письмом, хотя не от вас, от Нюры А. (его племянница). Но, Соня, как-то Бог хранит меня. Такой был ужасный бой, что пришлось с немцем сражаться метров восемьсот и ближе. Пушками бить прямой наводкой по танкам-«тиграм». Танк такой, как скирда сена, на тебя ползет. Да, Соня, прочитай. Наши действия были (далее

зачеркнуто военной цензурой — Ю. К.). Бой был упорный, но и немца гоним крепко. Да, Соня, я совсем стал седой. Сама подумай, скоро год на фронте. Под такими страстями переживать трудно, но пока ничего. Жив и здоров. Но, Соня, наверно, и ты постарела от трудных переживаний. Но Бог даст, будем живы, дак еще помолодеем. Но уж не будем, так судьба такая, ничего не сделаешь. Да, Соня, в двух метрах разорвались два снаряда. Но нас не повредило. Ну, Соня, есть, нет от зятя и Ванюшки письма. Пропиши».

В этом же письме он обратился к семье уже упоминавшегося старшего брата Александра Николаевича, который находился тогда в ГУЛАГе (отбыв срок, он, как уже отмечалось, вернулся только в августе 45-го года, а в 58-м году был полностью реабилитирован из-за отсутствия состава преступления). «Здравствуйте, Нюра и Мария Ивановна, Валя, Лариса, Аркадий. Дак вот, шлю я вам свой горячий привет и желаю всего наилучшего в жизни. Вот, Нюра, я получил твое письмо и очень благодарю. Я только вышел из боя и получил письмо. Ну, Нюра, передай привет отцу от меня, что, мол, жив еще. Ну, Нюра, до свидания, пиши, что будет нового у вас. С приветом к вам дядя».

Сделаю некоторое отступление. Уже будучи вполне зрелым человеком, я задумался. Неужели мой отец, пройдя Сталинград, освобождая Украину, не был удостоен никакой боевой награды. Обратился с запросом в Центральный

архив Министерства обороны СССР. Оттуда пришел ответ в Башвоенкомат, что награжден он медалью «За отвагу», но данных о вручении нет. Ввиду этого предлагалось вручить удостоверение без номерного знака семье погибшего. Удостоверение к медали выдали мне. Однако подробностей, в связи с чем он был награжден, не сообщили.

Искренне признателен известному ученому, исследователю истории Великой Отечественной войны, участнику Московской и Курской битв Таминдару Хазигалиевичу Ахмадиеву, который, к сожалению, недавно ушел из жизни. Он, скрупулезно работая в ЦА МО СССР, по моей просьбе разыскал сведения о награждении В. Н. Калашникова. Документ гласит так: «Приказ № 022/н по 192-му гвардейскому артиллерийскому полку 87-й гвардейской стрелковой дивизии 9 сентября 1943 года. Южный фронт.

За образцовое выполнение боевых задач командования на фронтах Отечественной войны и проявленные при этом доблесть и отвагу, награждаю медалью «За отвагу» заряжающего орудия 4-й батареи гвардии красноармейца Калашникова Василия Николаевича.

В бою под хутором Вишневый 31 августа 1943 года батарея была окружена танками противника и подверглась ожесточенному обстрелу с флангов артиллерии и танков противника.

Тов. Калашников В. Н. проявил мужество и отвагу, поднося непрерывно снаряды к орудию». (Центральный архив МО СССР, Фонд 87-й

гвардейской стрелковой дивизии (№ 1247), опись 717037, д. 704, л. 204.). Полагаю, есть прямая связь между этим приказом и приведенным выше письмом. О своей награде В. Калашников, очевидно, даже и не знал.

«От вас что-то письма получаю редко. Или вам писать некогда, как вот мне, так как все в движении. Немец отступает, но и сопротивляется. Но вот получил письма от вас и от сестры Зои; хозяин у вас другой, кладовщик тоже другой. Но как будете жить? Хлеба-то у вас мало. Но нас кормят хорошо. Но все мечтаю об вас. Ведь вам плохо. Но не могу помочь. И трудно тебе с детьми переживать. Но мне те трудности, бомбежки и обстрелы вражеских снарядов приходится переживать. Но пуля нас не хватает, потому что я нахожусь артиллеристом с пушкой. Но писать кончаю. Вот и сейчас пишу письмо, а немец обстреливает снарядами. Да, Соня, одни каменные стены в некоторых деревнях остаются, а то все сжигают наповал. Действительно, мудрят (т. е. издеваются) над русским народом. 23/9 месяца.»

«Я уже нахожусь на фронте три месяца. Очень трудно переживать такие жуткие бои и много уже потерял товарищей. Но и ожидаю со дня на день, с минуты на минуту такой же и себе участи.

Получил от сестры Тани письмо. Но оно меня не обрадовало, а наоборот, прочитал и поплакал. Но и меня тоже ожидает, что и Ванюшку. Трудно ведь, Соня, милая, оставаться живому. Нахо-

жусь (затушевано военной цензурой — Ю. К.)... Фронт к реке Днепр. Ну, милая Соня, не забывай меня и, дети мои малые и милые, не забывайте папку. Пишу вечером 15.X.»

«Сообщаю про свою жизнь фронтовую, и когда только будет не фронтовая, не знаю. Дак пока находимся на фронте, ...бои вот уже несколько дней. Но погода не так-то хорошая. Был дождь и холодно стает (становится).

Да, Соня, трудно переживать эту жизнь, но и тебе нелегко жить с детьми. Да как-то еще Бог милует. Все жив. Ведь за эти бои сколько ужасных минут пережил. Ведь можно всю кровь попортить. Я уже постарел. Получил от Нюры письмо и от Тани, сестры, да прочитал ее письмо и поплакал. Но ничего не поделаешь. Ведь и меня тоже ожидает, что и Ванюшку. Ведь трудно в таких боях остаться в живых.

Ну, Соня, милая, и дети милые, и родная ты, мама. Вот пишу письмо, хотя не близко, а снаряды рвутся.

Я все нахожусь на фронте. Пока невредим. Но идут упорные бои. Немец отступает с большим сопротивлением. 19.X.43 г.»

А вот последние письма Василия Николаевича Калашникова, наполненные грустью и ожиданием неминуемой гибели:

«Письмо от известного вам В. Н. Калашникова. Здравствуйте, мое дорогое семейство. Шлю я вам фронтовой привет, жене Соне и детям, Нине и Юрочке, и старушке маме, и сестре Зое с детьми, и Марии И. с детьми. Дак вот, Соня,

милая, сообщаю про себя. Я нахожусь на фронте, и когда он только кончится, не знаю. Надоело все это переживать и слушать гул взрывов.

Дак вот, Соня, я получил от вас письмо, писано 4.X.43 г., а получил 23.X., и за которое благодарю. Я узнал много нового. Значит, Захаров Василий и Веретенников, и Ванюшка наш упокоились. Да, трудно остаться в таких боях живому. Да, от Ивана Воробьева нет писем два месяца. Это тоже дело нехорошее. Я третий месяц нахожусь в боях. Ведь сколько я пережил трудных минут, так не описать. Ну, дорогая Соня, буду жив, так напишу письма часто. Не буду, так и писем не будет.

Дак вот, дорогая моя, мама, ты так люби моего сына, как любила меня. Я не могу себе представить его, какой он у меня есть. Но, мама, помогай моему семейству, не бросай их.

Ну, пока писать кончаю. Пишите чаще письма. Ну, Соня и Нина, и Юрочка, пока до свидания. Целую вас крепко. Передайте привет дяде Фролу с теткой и соседкам-сестрицам, остальным знакомым колхозникам. Ну, пока. С приветом В. Калашников. 24.X.43 г. 5 часов вечера».

«Жизнь моя, одномоментная. Сейчас можно быть живому и в тот же час можно ожидать смерть. Такая наша фронтовая жизнь. Ну, далее сообщаю, что письма ваши начал получать регулярно. Все же, что меня не забываете, благодарю вас. Дак вот, пишу письмо, а кругом стоит гул взрывов снарядов. Враг, как собака, аркается, с боем отступает.

Погода стоит сухая, но ночью холодно уже становится. Но ничего, мы привычные уже ко всему. Не день, не два на фронте, а второй год. Я узнал в письмах много нового. Очень доволен, что ты поставила сена корове и картошку убрала.

Узнал, что ребята погибли на фронте. Да, война не без жертв. Да, Соня, вот писал и не дал проклятый немец дописать, начал обстреливать. Пришлось в укрытие уйти.

Ты пишешь, что Юра бойкий, а Нина ходит в школу. Мне трудно представить, какие они есть. Все смотрю на их фотокарточку и берегу ее, пока жив, у груди. А семейную не получил. Дак вот, Соня, много раз видел во сне, был дома вместе с тобой. Но проснешься — на фронте. Ну, милая Соня и милые дети, и милая мама, не забывайте меня. Целую вас крепко. Ну, до свидания.

Привет Марии И., племянницам Нюре, Вале, Ларисе и Аркаше. Благодарю вас и целую, что вы меня не забываете. Ну, пока. С приветом ваш дядя. 25.X.43 г. 5 часов вечера».

«Письмо от известного вам В. Н. Калашникова. Здравствуйте, мое семейство, жена Соня и дети Ниночка и Юрочка и старушка мама. Шлю вам горячий фронтовой привет.

Дак вот, дорогая Соня, я все нахожусь на фронте. Пока невредим, но идут упорные бои. Немец отступает с большим сопротивлением. Да, Соня, трудно тебе жить с моими детьми, но и мне нелегко переживать фронтовую жизнь каждый день под гулом взрывов.

Но, Соня, трудно остаться живым. Но Бог пока хранит. Дак вот, Соня, я получил сегодня письмо от тебя, и за которое благодарю. Я кое-что узнал про вас. Вот как будете жить, столько мало картошки накопили, а насчет хлеба ничего не пишете. Видно, вы его не кушаете. Дак вот, Соня, пропиши мне, почем хлеб и картошка. Дак вот, пишешь ты, что была мать у тебя, помогла тебе копать картошку. Но вспоминали они про меня или совсем забыли? Ни одного письма я не получил от них.

Получил я ваши письма 22 октября, а писанные 26 сентября. Погода у нас днем еще тепло, а ночью холодно. Одни сутки был дождь, а так сухо.

Да, Соня, милая, поел я арбузов, дынь и помидоров, и слив, и яблок. Но я и меду тоже поел досыта. В общем, насчет пищи живем хорошо. Я часто думаю, мои малые дети и милые, наверное, без папки не едали сладкого.

Ну, Соня, милая, до свидания. Буду ждать от вас письмо. Пиши чаще. Целую вас крепко. Кончаю. С приветом к вам В. Н. Калашников. 29.X.43 г. 4 часа дня».

Один из немногих запомнившихся эпизодов моего раннего детства военной поры это то, как оплакивали гибель моего отца. Много людей заполнили наш небольшой дом. Все меня сочувственно ласкали, нежно гладили по голове, говорили, что я теперь остался сиротой. Разумеется, я тогда абсолютно не осознавал, что все это значило, как отразится гибель отца на мне. По-детски

даже тяготило излишнее внимание, хотелось заняться своими играми. Но вдруг остановился, когда моя бабушка, прислонив ко лбу похоронку, обратилась к находящимся в переднем углу иконам. Запомнил сам, а не по чьим-то рассказам ее причитания: «Господи, за что же ты на меня так разгневался? Почему на этой войне и последнего не оставил в живых?»

И перестали с той поры приходить к нам домой, в его родное село, по другим адресам аккуратно сложенные солдатские треугольники Василия Николаевича Калашникова.

Бабушка нежно выполняла просьбы своего сына Василия, изложенные в его фронтовых письмах. Она во многом помогла нам вырасти и физически, и духовно нормальными людьми.

Хорошо запомнил 9 мая 1945 года. В этот день на землю обильно падали крупные хлопья мокрого снега. В селе состоялся торжественный митинг, на котором люди пели и танцевали. Мама пришла с митинга, тяжело опустилась на табурет и громко заплакала, сказав: «Кому — радость, а кому — слезы». Когда впервые прозвучала замечательнейшая песня «День Победы», мне особенно стали понятны ее слова «Это радость со слезами на глазах».

ДЕНЬ ПОБЕДЫ — САМЫЙ СВЯЩЕННЫЙ ПРАЗДНИК

День Победы — светлый, свято чтимый праздник. Он омыт морями крови, пота и слез и олицетворяет собой многомиллионный коллективный подвиг, совершаемый на протяжении 1418 огненных дней и ночей. Поэтому тщетны омерзительные старания разномастных фальсификаторов истории поколебать величие подвига советских народов, спасших от коричневой фашистской чумы не только себя, но и все человечество.

Творцами великой Победы были, прежде всего, миллионы простых солдат. И неслучайно самый выдающийся полководец Второй мировой войны, Маршал Победы, четырежды Герой Советского Союза Г. К. Жуков на титульном листе своих мемуаров «Воспоминания и размышления» сделал лаконичную и емкую надпись «Советскому солдату посвящаю» и поставил свою подпись.

Горжусь тем, что эта надпись адресована и моему отцу, погибшему гвардии красноармейцу Калашникову Василию Николаевичу.

В период Великой Отечественной войны переписка между людьми приобрела буквально массовый характер. Это было вызвано двумя обстоятельствами. Во-первых, в процессе ликвидации неграмотности среди населения основная масса бойцов рядового состава умела писать

и читать. И по возможности сполна пользовалась этим.

Во-вторых, в тех конкретных условиях переписки являлась единственным средством связи воинов с семьей, родным домом.

Ежедневно «полевая почта» доставляла на фронт и обратно миллионы частных корреспонденций. В их строках слышался живой голос разлученных войной. О письмах той суровой поры звучало и в песнях, и поэтической лирике, и кинофильмах, о них писали художественные картины. Письма с полей сражений обладали огромной цементирующей силой по консолидации фронта и тыла в единый могучий военный лагерь, сокрушивший фашизм.

СОДЕРЖАНИЕ

К. Аралбаев. Музейза	3
К. Аралбаев. Музейный экспонат	5
Из семейной хроники	8
Фронтовые письма погибшего гвардии красноармейца... ..	15
День Победы — самый священный праздник	38

Художественно-документальное издание

КАЛАШНИКОВ Юрий Васильевич

ПОСЛАНИЯ С ФРОНТА

(на русском языке)

Редактор *В. С. Усманова*

Художник *И. Н. Карлов*

Художественный редактор *А. Р. Мухтаруллин*

Технический редактор *З. Г. Чингизова*

Корректор *Р. А. Бондаренко*

Подписано в печать 01.12.09. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура Балтика. Усл. печ. л. 1,61. Усл. кр.-отт. 1,94. Уч.-изд. л. 1,27. Тираж 1000 экз.
Заказ № 1.0169.09

Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан
Башкирское издательство «Китап» имени Зайнаб Бибишевой.
450001, Уфа, ул. Левченко, 4а.

Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан
«Уфимский полиграфкомбинат».
450001, Уфа, пр. Октября, 2.